

Шушаник Епископоян

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЦЕНТРА ЕРЕВАНА

Природные свойства быстрее всего утрачиваются в большом городе. Причину этого надо искать не в этике, а в геометрии. Прямые линии улиц и зданий, прямолинейность законов и обычаев, тротуары, никогда не отклоняющиеся от прямой линии, строгие, жесткие правила, не допускающие компромисса ни в чем, даже в отдыхе и развлечениях, – все это бросает холодный вызов кривой линии Природы.

О'Генри. Квадратура круга

За последние годы практически все общественные дисциплины обращались к проблеме трансформации армянского общества – трансформации советского в независимое демократическое. Однако, при всем разнообразии многочисленных исследований этих реалий, из поля зрения исследователей полностью выпала проблема трансформации городского пространства, в то время как невозможно не согласиться с тем, что, подвергая изменениям материальную среду или создавая новую, мы создаем нового человека, формируем новое индивидуальное или коллективное сознание.

Город населен людьми. Символы и знаки существуют в нем не сами по себе, а как часть живого процесса повседневной коммуникации. Важно понять, какие человеческие эмоции, желания, идеалы, ценности, надежды и чаяния передает символика, как символы и знаки воспринимаются людьми, как они влияют на психологическую атмосферу города. Окружающие нас витрины, плакаты, рекламные щиты, новостройки, шум машин, правила движения, загрязненность/чистота города, посторонние взгляды и реплики, инфраструктура мест досуга и их стратифицированность, культура праздников и пр. – именно эти элементы городской среды и создают некий пласт самоидентификации горожанина. Они формируют потребителя, носителя той или иной роли в определенном обществе, городе, инфраструктуре. Само городское пространство, с присущими ему инфраструктурами, создает “идеаль-

ные типы” современного горожанина и формирует соответствующие страты/группы. Так, например, определенные кафе, рестораны и другие места досуга предполагают определенный тип посетителя: по стилю одежды, манере говорить, атрибутике, курению/некурению, интересам, манерам, предпочтениям в блюдах, выпивке и т.п. В результате этой селекции, своего рода “искусственного отбора”, происходит постепенное зонирование города.

Концентрацией вышеназванных процессов становления и трансформации городского пространства является его сердцевина – городской центр. Эта статья является результатом исследования, целью которого было осмысление городского пространства Еревана, в частности – его центра, выделение и интерпретация семиотического пространства повседневной жизни горожан. Для получения наиболее полной и обоснованной картины я заостряла внимание, в частности, на сопоставлении старого и нового на “теле” города. Так, например, в первые годы независимости начальному этапу формирования национального государства было присуще стремление стереть нежелательные следы советской реальности. Переименование площадей, улиц, других мест и отдельных строений были также попыткой отразить на “теле” города его историческое прошлое через увековечивание значительных исторических событий и имен доблестных предков. Демонтаж советских памятников должен был пресечь “запланированную” долговечность смыслов и ценностей, которые они олицетворяли.

Концу 1990-х была присуща стихийная коммерциализация пространства: сначала посредством наводнения улиц и площадей рекламными щитами, позднее – ростом индустрии досуга и развлечений. Сегодня трансформация материального пространства города продолжается в виде массовой застройки центра с одновременным формированием потребительского отношения к городскому пространству.

Одной из отправных точек исследования являлась гипотеза о том, что городская ткань явно или имплицитно таит в себе господствующую идеологию, является местом обитания последней, ее разворачивания и процветания. Таким образом, моя позиция основывается на постмодернистской традиции: город рассматривается как текст, внимание сфокусировано на процессе приписывания смыслов городскому пространству. Архитектура подобна языку: как отмечает Р. Барт,¹ мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации, и что всякая классификация есть способ по-

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: “Прогресс”, “Универс”, 1994, с. 548.

давления. Город есть то пространство, в котором архитектура творит (читай, пишет) саму себя. Лишь невидимое насилие языка над говорящим² сродни насилию города над горожанином.

... Сэм Фолуэлл прибыл в Нью-Йорк поздно вечером. Все еще следуя свободным законам природы, движущейся по кругу, он сначала не заметил грозных, безжалостных, острых и жестких углов большого города, затаившегося во мраке и готового сомкнуться вокруг его сердца и мозга и отштамповать его наподобие остальных своих жертв.³

Кевин Линч выделяет качество четкости или понятности городского пространства, обозначая его словом *legibility* (в русских источниках встречается как «читаемость» по аналогии с текстом).⁴ Под этим понимается легкость, с которой можно распознать его части и организовать в связное содержание. «Как напечатанную страницу можно легко прочитать как связный паттерн распознаваемых символов, так и четкий город должен быть таким, чьи районы и ориентиры легко опознаются и группируются во всеобъемлющий паттерн <...> легко читаемое окружение не только несет с собой чувство безопасности, но и повышает потенциальную глубину, интенсивность человеческого опыта». К. Линч, однако, обходит стороной феномен *подчинения* законам города, обозначая его *приспособляемостью*: «после некоторого опыта можно научиться находить дорогу в самом беспорядочном и бесформенном окружении». И все же я настаиваю на позиции *подчинения* горожанина городскому пространству, которое, однако, не является способом сознательного, но, скорее, бессознательного самообмана. Именно в том и состоит функция идеологии, чтобы незаметно, и, стало быть безболезненно, подменить в сознании человека подлинные, но «неприглядные» мотивы его поведения иллюзорными, но зато нравственно приемлемыми.

Таким образом, настоящее исследование явилось попыткой замедленного семиотического прочтения городского текста с целью выявления диалектики вкрапления в него господствующей идеологии и порожденных ею коннотаций. Эта статья отражает процесс моих размышлений и всматриваний в пространство повседневной жизни городского жителя, направленных на осмысление того контекста, который не только является пространством смыслопорождения жизни, но и пере-

² Согласно Роману Якобсону, любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать.

³ О. Генри. Квадратура круга. // Короли и Капуста; Новеллы. Л.: Лениздат, 1986, с. 357.

⁴ http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm

плетается с самой жизнью, создавая интертекстуальный альянс. Для приближения к поставленной цели я выбрала семиологический подход изучения, или, говоря бартковским языком, *разоблачения* коннотативного плана⁵ городского пространства в его трансформации.

Следует, однако, заметить, что результаты исследования, представленные здесь, это лишь один коллаж, стоп-кадр того калейдоскопа образов и смыслов, которые проявляются при всматривании в город. Будучи в непрерывном процессе ускользания, город представляет собой уникальный объект изучения, который никогда не дарует исследователю чувство удовлетворенности в своих поисках и нащупываниях. Статья, таким образом, является попыткой создать платформу для дальнейшего “серфинга” в смысловом пространстве города.

Трансформация семиотической организации городского пространства рассматривается, в частности, в следующих его планах:

- ✓ градостроительство,
- ✓ архитектура,
- ✓ урбанонимия,
- ✓ элементы городской среды,
- ✓ поведение в городской среде.

Архитектура и градостроительство: идеологические трансформации

В истории градостроительства Еревана 19-й век знаменует собой время интенсивной реконструкции, коренным образом изменившей всю ткань города. Общий облик города начала 19-го столетия определяют узкие улицы, на которые часто выходят глухие фасады домов и длинные заборы, прерываемые арочными проемами ворот. Как отмечает Мариетта Гаспарян⁶, для градостроительной системы Еревана характерна обусловленная топографической ситуацией нерегулярная застройка. Нестандартность размеров и конфигураций кварталов – основная причина того, что, несмотря на гегемонию прямых линий в рисунке плана, в идентичных частях города, в общей концепции структуры складывается иррегулярная сеть и сохраняется композиционная спонтанность построения. Доминантами композиций жилых

⁵ Следуя позиции Барта, автор рассматривает знаковое, семиотическое пространство как пласт проявления идеологии, которую, в свою очередь, связывает с феноменом коннотации. См. Барт Р., S/Z. Эдиториал УРСС, М., 2001, с. 8-12.

⁶ Гаспарян М. Архитектура Еревана XIX – начала XX века. Ереван: “Ушардзан”, 2008, с. 8.

массивов, а также акцентами силуэтной организации панорамы Еревана служат ансамбли конфессиональных центров, обособленные от остальной застройки в благоустроенных садах комплексы церквей и мечетей. В 1820-е годы, после присоединения Армении к Российской империи, большое количество армян переселилось из Западной в Восточную Армению. В связи с этим понятно стремление народа построить церкви, которых в Ереване было очень мало.

Во второй четверти 19-го века закладывается фундамент новой градостроительной системы Еревана. В Новом районе (Нор Таг) складывается прямоугольная модульная сеть кварталов, и утвержденные каноны планирования приводят к развитию периметральной застройки и вырисовке красной линии. Планировочная реконструкция города начинается в конце 1830-х гг. в северо-западной части Еревана, простирающейся восточнее Конда. В процессе освоения незастроенных земель происходит формирование Нового района. От подножия Кондской возвышенности в юго-восточном направлении трассируются три главные параллельные улицы – Назаровская (Амиряна), Бебутовская (Павлостоса Бюзанда), Царская (Арама), дотянутые до дороги, позже выпрямленной в Астафьевскую (Абовяна). Поперечные улицы проложены под прямыми углами к первым, с осевой ориентацией северо-восток – юго-запад, согласно преобладающему ветровому режиму, – это Армянская (Маштоца) и Каравансарайская (Езника Когбац).

Во второй половине 19-го века, параллельно и в связи со статусным возвышением Еревана до уровня губернского города, деятельность государственных, губернских и городских властей направляется на планомерную реконструкцию регионального центра. Градостроительные мероприятия приобретают образ реальных действий после утверждения генерального плана в 1856 г., который стал важным градостроительным документом, направляющим дальнейшее развитие города. Он предусматривал радикальные меры по упорядочению городской застройки, предпринятой к началу 20-го столетия в центральных районах Еревана. Архитектура Еревана – губернского центра Российской империи – отражала вкусы и амбиции высоких чиновников и богатых людей. Архитектура этого периода отличается стремлением к вычурному, иногда помпезному фасаду, в то время как внутри здания не отвечали элементарным нормам комфорта и устойчивости. Именно в эти годы появились здания, известные каждому ереванцу, в которых вплоть до недавнего времени находились учебные, научные, просветительские учреждения. В наши дни большинство этих зданий

подверглось основательной реконструкции, при которой был сохранен лишь их внешний облик. Архитектура 19-го и начала 20-го веков, в частности, административных строений, была призвана отражать и выражать мощь Российской империи даже на окраинах государства. Огромными размерами и роскошным убранством своих домов богатые люди, преимущественно купечество, самовыражались в стремлении перещеголять друг друга.

С середины 19-го века картина движения людских потоков все усложняется: в нее включаются городские вокзалы, где сочетались и деловая, и подчеркнуто парадная части, городские музеи и картинные галереи, публичные библиотеки, театры. Медленно, но неуклонно “чистый” город богачей и город бедноты сближаются, их соединяет средняя прослойка горожан – мелкие служащие, студенты, лавочники. Рисунок движения потоков все усложняется, образуя в центральном ядре города плотный лабиринт, в который вовлекаются чуть ли не все улицы и переулки и все без исключения площади. Классовые границы не исчезают, но становятся почти невидимыми в публичных пространствах.

В структуре Еревана планировочно размечается ранее сложившееся функциональное зонирование с выделением торгового, социально-административного, промышленного, селитебного, зеленого районов. Входящие в плановую черту города участки дифференцируются по нескольким категориям: под застройку частными зданиями, для урегулирования улиц, “высочайше пожалованные” – отведенные городу правительством и т.п., в соответствии с ними местные власти проводят отводы и продажи городских земель.⁷

Фото 1. Панорама Еревана, 1900 г.

⁷ Гаспарян М. Архитектура Еревана XIX – начала XX века.

На рубеже XIX и XX веков произошла подлинная революция в градостроительстве, которая в корне преобразила не только облик города, но и самые основы того, что мы называем городским образом жизни. Строительство в центральных кварталах осуществляется в соответствии с требованиями генерального плана. Необходимость экономии земельных фондов определяет постановку здания не в глубине участков, а на красной линии улицы, повышается общая этажность застройки. Широкие прямые улицы обстраиваются двух-, трехэтажными каменными сооружениями, создаются ансамбли новых площадей, благоустраиваются парки и сады. Окончательно организуются приоритеты объемно-пространственной композиции города, чему способствует возведение в центральной части Еревана трех купольных церквей – Сурб Саркис, Сурб Григор Лусаворич и Николаевского собора.

К началу 20-го века самой большой эспланадой Еревана остается *Торговая площадь*⁸ – вытянутый по форме треугольник, сужающийся к северо-востоку. Территорию площади со всех сторон окружают магазины, лавки, ремесленные мастерские, промышленные заведения, которые развиваются в глубь северных и западных кварталов, куда вливается целая сеть улочек, функционально связывающая площадь с внутриквартальными комплексами и торговыми площадями Хлебной, Плотничной, Мечетской. Поставленные вплотную друг к другу и объединенные архитектурной трактовкой магазины представляют в совокупности гостиные дворы. Со стороны улиц – это одно- и двухэтажные здания, образующие по уровню первого этажа непрерывный стеклянный фронт разнообразных витрин торговых залов. Нарядные верхние жилые этажи перекликаются друг с другом ритмами консольных балконов и одинаково роскошно отделанных окон, прорезанных в скульптурных стенах фасадов. Крытые пешеходные зоны между кварталами, аркады галерей, протянувшиеся по всей длине улиц, модные вывески респектабельных магазинов вписываются в градостроительство целостным и художественно выразительным образом торгового центра, в котором каждый фрагмент, обусловленный функциональной организацией, привносит собственный колорит. Застройка Торговой площади сегодня полностью разрушена, на ее месте раскинут сад с детскими аттракционами между улицами Григора Лусаворича, Закяна и Бейрута (бывшая Шаумяна). Последним в 1970-х гг. был разрушен комплекс Торговых рядов в связи с прокладкой бульвара и установлением памятника А. Мясникяну (1980).

⁸ См. Фото 1, Приложение 1.

Далее выделяется ось *Крепостная-Астафьевская*⁹ (Вазгена Саргсяна – Абовяна) – лучевая магистраль Еревана, проложенная в соответствии с генеральным планом 1856 г. Она начинается от северных ворот крепости (поэтому первоначально называлась Крепостной) и устремляется в северо-восточном направлении к окраинам, связывая крепость и Торговую площадь с центром и основное ядро города с дорогой в предместье Норк. Функциональной особенностью Астафьевской является преобладание здесь заведений культурно-просветительного назначения. В разных домах функционируют всевозможные частные заведения наподобие училища и детского сада княгини Павленовой, библиотеки-читальни И. Корганян и т.п. Заметим, что эта улица, в частности отрезок улицы им. Абовяна, сохранила свой “характер” и по сей день выделяется как “торговая” улица – с многочисленными магазинами и бутиками.

28 мая 1918 г., после распада Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР), образовалась Республика Армения. 28 мая 1919 г. правительство республики объявило Армению объединенной и независимой республикой и заказало председателю Совета Академии художеств А. Таманяну генплан Еревана. Именно с этой целью Таманян посетил в Армению в 1919 г. и в 1923 г.

Таманян не скрывал намерения разрушить старый персидско-туркско-царскорусский город и построить современную столицу. Он строил город современный по своей технологии и градостроительным канонам. В его проекте Ереван должен был стать выражением национального возрождения и средоточия нации, следовательно, генеральный план столицы должен был отражать основную идею нового государства.¹⁰ Для Армении с ее древней историей и культурой эта идея заключалась в возрождении утраченных традиций, на которых должно было происходить современное развитие страны. Независимость, демократия, национальные традиции, единение народа и целостность исторических территорий – вот основные аспекты, которые должны были найти выражение в генплане Еревана. Таманян направлял все движение Еревана на Арарат, к национальному полюсу, объединяя все силы нации и не давая им разойтись.¹¹ Постоянное движение к Арарату и есть выражение национальной идеи армян, писал армянский поэт Паруйр Севак.

⁹ См. Фото 2, Приложение 1.

¹⁰ См. Иллюстрация 1, Приложение 2.

¹¹ См. Баян К. Город, смотрящий на Арарат. М., 2009, с. 47.

Ни одна из идей Таманяна к концу его жизни не была осуществлена. В феврале 1936 г. Ереван хоронил своего великого реформатора. Народный дом, переделанный в Оперный театр и Филармонический зал, был завершен в 1953 г., Кольцевой бульвар был целиком раскрыт лишь в 1960-е годы, Главный проспект – примерно тогда же и то не полностью, Северный проспект начали прокладывать в 21-ом веке. Однако примечательно, что все, что строилось после, строилось не совсем так, а точнее совсем не так, как задумывал Таманян.

Одной из главных причин таких изменений стали репрессии, которым подверглась как сама национальная идея, заложенная в генплане, так и выражавшие ее решения. Вместо национальной идеи оставили национальную форму, прибавили к ней социалистическое содержание и получили архитектуру. Развитие национальных форм культуры целиком соответствовало коммунистической идеологии и выражало идею национального равенства. Однако жесткие функциональные каноны архитектуры делали весьма затруднительным ясное обозначение понятия социалистического содержания сооружения. С другой стороны, процесс создания современной социалистической национальной формы оказался задачей еще более трудно выполнимой.

Смерть Таманяна и утверждение в республике новой идеологии стали ключевыми моментами в изменении основной концепции архитектуры Еревана и проникновении в Армению тоталитарных принципов, определяемых термином “сталинский ампир”. По существу, после 1936 г. развитие Еревана происходило по двум наложенным один на другой генпланам – по таманяновскому национальному и по пост-таманяновскому тоталитарному. Фактически, развитие армянской архитектуры происходило без Таманяна, без идей Таманяна, но по формам Таманяна.

“Исправление” Таманяна осуществлялось на всех ключевых точках генплана: из композиции Дома правительства был изъят барабан центрального распределительного вестибюля, призванный доминировать на площади и направлять ось Северного проспекта от Оперы на Арарат. Диагональная ассиметричная композиция площади была приведена к симметрии по главным осям: на продольной оси визави Дому правительства появилось его зеркальное отображение, на поперечной встал памятник Ленину и Дом культуры. С пространства самой площади по Таманяну расходились несколько лучей, один из которых, естественно, был направлен на Арарат. Два объема, его фланкирующие, были перекрыты аркой, до минимума сузив обзор. Позже перспектива

на Арарат и вовсе была закрыта зданием Министерства транспорта и связи.¹² Арарат был выключен из ансамбля центральной площади.

Очевидно, что идея открытия Северного проспекта уже и не рассматривалась. Раскрытый в начале 21-го столетия Северный проспект получил несуразную ассиметричную башенную доминанту в том ключевом месте, где доминантой как раз должен был быть объем театра. На противоположном же направлении ось проспекта “промахивается”, т.к. ее ориентиром служит не отсутствующий барабан Дома правительства, а расположенный в несколько смещенном положении объем Картинной галереи.¹³

Наконец, завершающим шагом в процессе перестройки плана Таманяна стало строительство нового общественного центра Еревана: в стороне от всех таманяновских структур – по обе стороны вдоль оси проспекта Баграмяна были возведены здания ЦК КП Армении (ныне Национальное Собрание), Верховного совета (Президентский Дворец) и Академии наук. Здание ЦК, построенное на холме, демонстративно развернуто в сторону от Арарата. После строительства нового общественного комплекса роль центральной площади была сильно понижена.

Исправления таманяновских идей города были окончательно закреплены в генплане Еревана 1949 г. И несмотря на то, что в 1960-е годы и в начале нового столетия градостроители Еревана в той или иной форме стремились восстановить идеи Таманяна, отсутствие должного понимания и цельности предпринимаемых усилий лишь усугубили разрыв между идеями великого зодчего и их воплощением его потомками.

Вместе с тем, с приходом Хрущева в 1960-е годы, вместо задачи сооружения привлекательных и красивых фасадов была поставлена задача в кратчайшие сроки обеспечить каждую семью отдельной квартирой. Жилые дома этого периода, известные как “хрущевки”, представляли собой малогабаритные квартиры с низкими потолками. Можно сказать, что при хрущевском минимализме архитектуры как таковой не было.

Особо значительный процесс разрушения градостроительской ткани наблюдался в центральной части города, где в 1960-70-е годы были осуществлены без преувеличения выдающиеся средовые решения Кольцевого Бульвара и улицы им. Абовяна. Сегодня от них не

¹² См. Фото 3, Приложение 1.

¹³ См. Фото 4, Приложение 1.

осталось и следа. По словам К. Баляна, несколько ереванских архитекторов, стремясь противостоять бедам технократизма 1980-х, пытались обратить внимание общественности и властей на проблему сохранения старых ереванских построек конца 19-го – начала 20-го веков (так называемые черные дома – по цвету их туфовых фасадов) и включения их в контекст развивающегося города. Сегодня вопрос сохранения наследия решается просто: эти дома предлагается “сгрести” в квартал-резервацию.¹⁴

Урбанонимика центра Еревана

Среди пластов городского семиотического текста, равно как и довлеющего идеологического нарратива, выделяется его урбанонимия. Переименование улиц и площадей сродни дезинсталляции памятников, что, по сути, является очевидным выражением стремления стирать следы – следы той или иной эпохи, идеологии. В рамках этой статьи, в частности, представлены топонимы улиц и площадей центрального округа Еревана. Поскольку одним из ярко выраженных переломных моментов в истории Армении стал распад Советского Союза и приобретение независимости, был проанализирован список измененных названий улиц и площадей после 1990-го года. Такое пристальное внимание к урбанонимии отсылает к фоноцентрической традиции, заключающейся в привилегии слышимого и истолкованного звука. Учитывая то, что название, становясь привычным, теряет свою денотативную силу и, наоборот, активизирует коннотативную, становится очевидным, что борьба ведется не только и не столько с конкретными личностями, сколько с той идеологией и тем пластом тезауруса, который активизируют их имена.

Изучение списка измененных наименований улиц и площадей центра Еревана после 1990-го года, представленного на сайте мэрии города,¹⁵ дает возможность проследить логику таких трансформаций.¹⁶ Даже при поверхностном сопоставлении прежних и новых названий становится ясно, что в основе этой трансформации лежит единый принцип – стремление стереть с городского полотна все знаки и следы советского прошлого. Из 19 наименований, представленных в таб-

¹⁴ См. Балян К. Город, смотрящий на Арапат. М., 2009.

¹⁵ http://www.yerevan.am/main.php?lang=1&page_id=158

¹⁶ См. Таблица 1, Приложение 3.

лице, 16 напрямую связаны с именами основателей марксистского учения, революционных деятелей, руководителей Советского государства и Советской Армении, участников и героев Гражданской и Второй мировой войны, основных атрибутов и символов советской идеологии (Октябрьская, Красной Армии, Пионерская, Колхозников). Исключением в ряду имен является лишь Богдан Хмельницкий, который уступил свое место Ростому – одному из основателей партии Дашнакцутюн. Изменения произошли и в названиях ул. Джрашат (Полноводье) и Театральной площади, не несущих политической окраски. Первая из них переименована в честь известного армянского поэта (Сармена), а площадь получила новое название (Свободы) в попытке мемуаризировать многотысячные митинги 1988 г., проходившие именно здесь.

Таким образом, **имперская** идеология города, замененная **национальной**, а затем **тоталитарной**, впоследствии уступила место **технократической**. И все это, как мы увидели, не в последнюю очередь проявляется в архитектуре города, в его атмосфере и практически во всех элементах городской среды (памятники, площади, названия улиц, витрины, названия магазинов и т.д.).¹⁷ Господствующую сегодня идеологию города можно обозначить как **потребительскую**. Именно так характеризуется общество, возникшее в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим развитием и такими социальными изменениями, как: рост доходов, существенно изменяющий структуру потребления; снижение продолжительности рабочего дня и рост свободного времени; размывание классовой структуры; индивидуализация потребления – оно характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок и представляет собой совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Вместе с тем, из фокуса внимания не исключается и состояние постмодерна современного общества, что, в свою очередь, имеет свое непосредственное выражение в семиотическом пространстве города.

Замедлим шаг и попытаемся внимательней всмотреться в городской текст с позиции этих феноменов и характеристик города.

¹⁷ Проявления этих трансформаций в элементах городской среды рассматриваются в последующих параграфах статьи.

Гламурный тоталитаризм vs “староереванскость”

Согласно Энтони Гидденсу,¹⁸ современность характеризуется отсутствием целостности и единства, а также беспрецедентными по своим темпам и масштабу изменениями, что, в частности, нашло отражение в самой природе современных институций. Как следствие, отмечает Гидденс, в сознании современного человека традиционные понятия места временного круговорота оказались окончательно вытесненными абстрактными категориями времени и пространства. Все аспекты жизни, включая досуг, институционализируются, бюрократизируются и превращаются в товар. Более того, товаром становится сама личность! Город покупает и перепродает своего горожанина благодаря той самой идеологии, которой так искусно пропитывается и подменяется сознание человека. Он покупает его, предлагая всевозможные эликсиры счастья, молодости и красоты, и перепродает очередной новинке, веянию моды и культовому образу. И все это происходит так быстро, что человек не успевает даже оглянуться и вникнуть в ситуацию. Сам город способствует рождению чувства потерянности и необходимости перманентного поиска ориентиров. Таким образом, на данном этапе тоталитаризм принимает характер имплицитности, скрытости, в противовес эпохи тоталитарной идеологии, которая во всю выражалась в элементах городского пространства.

Город привносит некий элемент шизофрении (Джеймисон),¹⁹ т.к. не позволяет привыкнуть к себе. Исчезает чувство привычности и “стоптанности” пути. Мы идем в магазин, а вместо него натываемся на новый клуб либо развалины, или же табличку “сдается в аренду”. Город становится письмом (Деррида) с присущими ему возможностями и привилегиями: записки на полях, маркировка того или иного элемента, обрамление текста, стирание и написание заново, произвольное определение пространства и, следовательно, процесса опространствования.

Постоянная реконструкция города, которая сродни пластическим

¹⁸ Прочитировано в Уилсон Э. Городская мода. // Теория моды. Одежда, тело, культура. Международный журнал. Выпуск 1. Новое литературное обозрение, 2006, с. 211.

¹⁹ Одна из составляющих джеймисоновской концепции постмодернизма (эссе Фредерика Джеймисона “Постмодернизм и общество потребления”) – шизофрения, приводящая к утрате смысла, утрате чувства непрерывности. Джеймисон описывает шизофренический опыт как тот, который “обречен не переживать повторяющееся настоящее, с которым разнообразные моменты его прошлого не обнаруживают ни малейшей связи, и на горизонте которого не существует представимого будущего. Другими словами, шизофренический опыт – это опыт изолированных, разъединенных, дискретных материальных означающих, которые не удастся связать в последовательный ряд”. См. Массовая культура: современные западные исследования. Отв. ред. В. Зверева. Фонд научных исследований “Прагматика культуры”. М., 2005.

операциям по омоложению лица, делает его источником шизофренического переживания. С другой стороны, у города есть еще одна шизофреническая особенность: дискретное присутствие его градо- и центроформирующих элементов, которые объединяются в сети магазинов, кафе, супермаркетов, банков и т.д. Здесь следует остановиться и заметить, что речь идет не только о локальных сетях в пространстве одного города, но также и о международных – некий эффект “макродольнадизации”.

Представители общественных наук отмечают, что целью нового поколения становится не просто потребление, а потребление торговых марок как чувственных образов, становящееся формой представления себя другим людям или организациям и коммуникаций с ними. Лозунг “Ты – это то, что ты потребляешь” становится центральным для человека современной цивилизации. Меняется само представление о ценности. Речь уже идет не о стоимости вещи, ценность которой конструируется с помощью символов, а о стоимости ощущений, испытываемых человеком, ценность которых конструируется с помощью технологии. Женщинами, да и мужчинами тоже, руководит стремление произвести впечатление на окружающих, подчеркнув при этом собственную индивидуальность.²⁰

Одним из центральных понятий общества потребления становится “бренд”, в основе которого лежит психо- и/или социотехнология, представляющая собой способ управления потребителем, направленный на создание у него определенных осознаваемых или неосознаваемых им психосостояний – ощущений, эмоций, мнений, убеждений, знаний, действий.²¹

Вслед за Ги Дебором воспринимаемая современное общество как *общество спектакля*, зрелищ, в настоящем исследовании я вглядываюсь в город с той же позиции. В этом ракурсе можно без особых усилий заметить, что этот пласт, этот спектакль не обошел такой мощный, самобытный элемент городского ландшафта, как архитектура. Более того, примечательно, что современная архитектура не только своим визуальным посылом сообщает о своей приверженности к списку предметов потребления, но и подпитывается такими эпитетами как “элитный”, “ультрасовременный” и названиями типа “Эребуни Плаза”, “Норд”, “Цитадель”, тем самым становясь брендом!

²⁰ Уилсон Э. Городская мода, с. 213.

²¹ Жлудова О. Бренд как механизм социальной регуляции в массовой регуляции в массовой культуре. <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/03/20/0000321693/03-Zhludova.pdf>

Возвышающиеся сегодня новостройки (как отдельные здания, так и целые кварталы), подобно магазинам, конкурируют друг с другом: на первый план выходит не только архитектурное решение самого здания, но и магазинов, размещающихся на первом этаже. Что же происходит с городами? Что придет им на смену? Точнее говоря: каковы отношения между современным городом и современной модой?

Вместе с тем, нельзя не заметить попытки взывания к жизни староереванских реалий, которые встречаются как в городском пространстве, так и в интерьерах различных объектов. В качестве примера можно привести ресторан “Հին Էրիվան” (Старый Эриван), который размещен в новостройке прямо в начале Северного проспекта. В данном случае к «староереванскости» взывает как само название, так и архитектурные и дизайнерские решения здания и интерьера.

Заметим, что элементы ереванской культуры встречаются на центральных улицах Еревана чаще в качестве городских скульптур и памятников. Так, на улице Абовяна, перед знаменитым в молодежно-интеллектуальных кругах арт-кафе “Art Bridge”, разместились каменные табуреты и столики с выбитой в них шахматной доской.²²

Фото 2. Каменные табурет и столик с выбитой шахматной доской.

На той же улице Абовяна разместилось открытое кафе, носящее весьма коннотативное в пространстве Еревана название “Ереван 70-х”,²³ которое являет собой яркий пример одной из тенденций, прослеживаемых сегодня в пространстве городского текста – возрождение и меморизация «староереванскости», что на первый взгляд можно интерпретировать как сопротивление вышеописанным процессам, однако на самом деле выражает тенденции сегодняшней моды, которые (по совпадению?) цитируют именно стиль 70-х.

²² Игра в шахматы и нарды во дворе, в садиках, на тротуарах являлась неотъемлемой частью городской культуры советского Еревана. См. фото 2.

²³ Посетители кафе “Ереван 70-х” – лица, определяемые жителями Еревана эпитетом “старые ереванцы”, воплощают в себе такие характеристики, как интеллигентность, приобщенность к бомонду, проживание нескольких поколений в центре Еревана и т.д. Кафе являет собой эдакую экстраполяцию знаменитого “Козырька”, облаченного в более современный, отшлифованный (отсылающий к гламуру) имидж (кованные стулья и столы, навесы на французский манер, богатое меню).

Фото 3. Памятник “Мужчинам”.

Модные тенденции не обходят даже нововозведенные памятники в сегодняшнем городском пространстве Еревана. Так, недавно установленная рядом с парком им. Сарьяна скульптурная группа “Мужчины” (Фото 3), отсылающая к одноименному армянскому фильму советского периода, не только репрезентирует гуманизованность современной культуры (учитывая масштабы па-

мятника), но и городской стиль 60-70-х, гармонично сливаясь со стилем одежды, царящим сегодня как на страницах модных журналов, так и на улицах Еревана, именуемым весьма культовым термином “гламурный”.

Как отмечает Александр Сарна, “поддержание единства стиля городской жизненной среды становится приоритетом столичных властей и находит отклик у самих горожан. Их коллективные усилия нацелены на устранение всего случайного, сумбурного, дезорганизованного, чтобы привести все к единому знаменателю, навести “блеск” и поддержать “глянец” на должном уровне. Политика “тотального гламура” подразумевает перенос свойств среды проживания (города и его атмосферы) на самих горожан с целью их мобилизации – так возникает стратегия тотальной “гламуризации” населения, которое стремится “не отстать от моды”, приняв за норму в качестве образца для подражания модели образа жизни из глянцевого журналов”.²⁴

Средоточием всех этих процессов является ядро городского текста, вокруг которого сгущаются все краски, не только само пространство становится более уплотненным, но и процесс смыслопорождения, соответственно, становится более интенсивным. В силу этого, объектом наиболее пристального исследовательского внимания стало именно центральное ядро городского пространства. Была предпринята попытка войти с ним в диалог, заставить город обнажиться и быть искренним перед тем, кто хочет его понять.

²⁴ Сарна А., Минск – город победившего гламура. // PS ландшафты; оптики городских исследований. Сборник научных трудов. Отв. ред. Н. Милерюс. Вильнюс: ЕГУ, 2008, с. 334-354.

Центр города – кульминация сюжета

Взгляд архитектора

Привычно называя центр города его “сердцем”, мы не задумываемся, что за этой нехитрой аналогией скрыт довольно сложный смысл. Во-первых, подтверждается ощущение, что город во многом подобен живому организму и потому обладает относительно самостоятельной эволюцией. Отнюдь не все можно городу навязать волевым решением. Во-вторых, подкрепляется то же интуитивное убеждение, что городской центр является мощным генератором импульсов, отзывающихся на всей территории города и далеко за его условной внешней границей.

Многочисленные исследования подтверждают, что весьма значительная доля посетителей центра называет целью своего движения желание “побывать в центре”, ощутить его атмосферу. Часто центр отождествляется с самим понятием “город”: нередко услышишь фразу “пойдем в город”, под которой имеется в виду перемещение из других районов города в центр. С социально-психологической точки зрения получается, что в человеческом сознании весь город оказывается представлен через образ его центра.

Ниже представлена карта Еревана, на которой выделен административный округ центра (Иллюстрация 1).

Иллюстрация 1. Карта Еревана. Центральный округ.

Для более наглядного отражения административно-управленческой и архитектурно-планировочной ипостасей центра Еревана представим также Проект по зонированию общины “Кентрон” (Центр), утвержденный решением мэра Еревана от 29 ноября 2007 г., N 5074-А.²⁵

Согласно проекту, в качестве элементов и пространств с высокой градостроительной ценностью в Центре Еревана выделяются:

- *сердцевина центра города*, которая включает в себя примыкающие к Площади Республики и Оперному театру уже организованные районы и является зоной сверхконцентрации общегородских функций;
- *центральное ядро города*, которое в основном включает в себя находящиеся в границах Кольцевого бульвара пространства, где организовано архитектурно-плановое единство самых значительных и редких объектов общегородского назначения;
- *зона срединной части Центра*, которая включает в себя в проектом, пространственном и архитектурном отношении уже организованные территории.

Этим определяющим внешний облик Еревана зонам предназначен особый режим упорядочения, реставрации, ремонта и реконструкции пространств и комплексов, посредством особого учета зданий-памятников и уже оформившихся ансамблей.

Основными довлеющими элементами в генеральном плане Центра Еревана остаются формирующие облик столицы Площадь Республики и узел Оперного театра, которые своими размерами, архитектурой и расположением образуют направленность и архитектурный облик двух основных композиционных осей – Главного и Северного проспектов.

На Главном проспекте в отрезке от “Сил Плаза” до ул. Кохбаци предусматривается строительство промежуточной зоны, где предоставлена возможность собрать, восстановить и, в соответствии с требованиями современного градостроительства, установить отдельные элементы архитектуры и городского быта старого Еревана.

Проектом зонирования предусмотрены следующие основные функциональные решения:

- создание центра международной культуры с множеством зрительных залов, музейными и выставочными пространствами;
- организация офисных пространств для международных представительств и организаций, отвод отдельных земельных участков для

²⁵ <http://www.yerevan.am/edfiles/files/gotiaorum/1.pdf>

- представительств стран – членов СБ ООН и других международных организаций – для создания культурно-этнографических центров;
- создание многофункционального делового центра “Ереван-сити”, оснащенного соответствующей инфраструктурой (банки, торговые центры, международные представительства, гостиницы и т.д.);
 - создание пространства “Культурное единение народов” – для проведения фестивалей в пределах садов Сардара (Сардури);
 - организация пространства развлечений и отдыха – для создания зеленых зон и охраны естественных ландшафтов, увеличения водных поверхностей и строительства новых водоемов;
 - выделение участков под строительство домов для дипломатов;
 - создание социальных инфраструктур: строительство соответствующих международным стандартам жилых домов, школ, детсадов, спортивных площадок и залов;
 - создание единой связи исторических зон, включение их в структуру по сохранению и актуализации.

Основные показатели планового зонирования общины “Кентрон”:

- площадь – 1359,3 га;
- жилой фонд (тыс. кв. м): существующий – 3422,9, планируемый – 4794,5;
- средняя этажность жилищного строительства: существующая – 4,1 этажа, планируемая – 5,3 этажа;
- численность населения: существующая – 129,7 тыс., предусматриваемая – 146,1 тыс. человек;
- плотность населения: существующая – 213 чел./га, предусматриваемая – 272 чел./га;
- зеленые зоны: существующие – 322,1 га, предусматриваемые – 489,6 га;
- длина сети шоссежных и уличных линий: существующая – 44 км, предусматриваемая – 62,5 км.

Взгляд горожан

Учитывая, что центр города не воспринимается автором как нечто данное и зафиксированное с четко очерченной осью и границами, но как нечто образующееся и рассеивающееся, весьма интересным в исследовании феномена конструирования центра представлялось изу-

чение когнитивных или ментальных карт горожан. Пример такого исследования можно найти в работе Кевина Линча “Образ города”. В ней рассматривается визуальное качество американского города на основе анализа ментального образа среды, которым обладают его жители. Ментальными картами Линч называет восприятие окружения индивидумом. Это индивидуальная карта известного человеку места. Для выявления восприятия центра Еревана горожанами в рамках исследования были проведены 100 описательных интервью с использованием метода ментальных карт. Интервью проводились на улицах в пределах центра Еревана. Отбор респондентов происходил стихийно. Вместе с тем, при проведении интервью учитывались следующие параметры:

- ✓ пол респондента;
- ✓ возрастная категория;
- ✓ частота/интенсивность пребывания в центре города (работа или дом в центре);
- ✓ место проведения интервью (разброс точек проведения интервью по всему административному центру);
- ✓ визуальные характеристики респондента (традиционный, “гламурный”, отношение к тому или иному классу, субкультуре и т.п.).

Респондентам была дана задача изобразить на листе бумаги план центра Еревана. Параллельно респондентам задавались следующие вопросы:

1. С чем у Вас ассоциируется центр Еревана? Какими словами Вы опишете его?
2. Какие улицы представляете в первую очередь, определяя центр Еревана?
3. Одним или несколькими словами опишите отмеченные Вами улицы.

В результате был определен контур центра, который наиболее тесно ассоциируется с понятием городского центра у активных “потребителей” центра города. Результаты полученной картины таковы: в сознании ереванцев центр чаще всего ассоциируется с многолюдьем, высокой активностью, суетой, бурной культурной жизнью. Вместе с тем, было получено немало ответов, в которых центр столицы представляется в виде некоего аморфного множества различных составляющих – “винегрет”, “базар” (красивые фрукты, запах сыра, мяса, опрятные интеллигенты и неряшливое большинство).

В целом, обобщая полученные ответы, можно сказать, что ассоциации имеют следующие основания:

- ✓ эмоциональный аспект (гостеприимство, доброжелательность, уют, счастье, винегрет, базар);
- ✓ деятельностный аспект (работа, досуг, клубы, шопинг);
- ✓ чувственный аспект (шум, пыль, мусорный бак, многолюдье, движение, активность, суета);
- ✓ элементы городской среды (площадь, Северный проспект, здание Оперы).

Вопрос об улицах, ассоциирующихся в первую очередь с центром, дал достаточно интересные результаты. В частности, изначальная гипотеза относительно того, что место проведения интервью, место жительства или работы респондента будут влиять как на его ответы, так и на отображение ментальной карты, оказалась опровергнутой. Независимо от перечисленных параметров, ереванцы имеют в представлении четко очерченный “квадрат” улиц, представляющих собой центр Еревана: это улица Абовяна (75%), проспект Маштоца (66%), проспект Саят-Новы (54%) и улица Туманяна (63%). С большим разрывом от вышеназванных были отмечены улицы Теряна (12%) и Московская (15%). Примечательно, что новостроенный Северный проспект был отмечен лишь в 3% случаях, что можно объяснить его “пешеходностью” и незаконченностью. Вместе с тем, проигнорированы такие большие улицы как Тиграна Меца, Вардананца, Баграмяна (хотя в административный центр входит ее половина), а также старые центральные улицы Пушкина, Сарьяна, Налбандяна. Что касается ментальной карты центра Еревана, то ее изучение дало следующую картину (Иллюстрация 2).

Выделенные улицы, которые в первую очередь ассоциируются с центром Еревана – проспект Саят-Новы, улица Абовяна, Туманяна и проспект Маштоца, респонденты охарактеризовали следующим образом. Так, ул. Туманяна ассоциируется с такими разноплановыми элементами городской среды как дом-музей Туманяна, запах шашлыка, забегаловка “Шаурма Туманяна”, шум и описывается как тихая, мягкая, мощная, красивая, опасная, молодежная. Улица Абовяна, как и ожидалось, в восприятии горожан остается как старинная, романтическая, уютная, вместе с тем в прошлом – красивая, сегодня – непонятная, с другой стороны описывается как главная артерия города, улица магазинов и прогулок. Элементами, выделяемыми на Саят-Новы, являются

Иллюстрация 2. Ментальная карта центра Еревана.

○ – здание

К – культурный центр

D – место досуга

■ – площадь

У – учебное заведение

В – водоем

▲ – памятник

А – архитектурное сооружение

— - улицы, отмеченные более чем в 20% случаев

— - улицы, отмеченные менее чем в 20% случаев

большой рекламный щит “Ты куда без цветов?” цветочного магазина “Брабион” и здание Оперы. Сам проспект описывается как спокойный, любимый, сухой, дружелюбный и красивый. И последний – проспект Маштоца характеризуется как шумный, широкий, прямой, активный, светлый, веселый, деловой, оживленный. В качестве бросающихся в глаза элементов здесь называются центральный рынок и Матенадаран.

Рассеивание сюжета

“Другие” центры

Помимо представленных мною центров (административного и ментального), в городе выделяются и так называемые локальные центры, “сердце” которых определяется господствующей социально-экономической формацией и, естественно, идеологией. Для выявления локальных центров города уместно выделить основные градообразующие элементы. Сегодня это отнюдь не элементы, удовлетворяющие естественные и социальные потребности жителей (продуктовый магазин, поликлиника, школа, детский сад), скорее, это центрообразующие элементы, которые являют собой некий послыл о том, что “здесь *должен* быть Вася”.²⁶ Символами такого типа центров являются супермаркеты, кафе, рестораны, магазины, кинотеатр и т.д.

Выделению и организации определенного образа, пласта в хаосе городского пространства способствуют знаки, которые помогают жителю города определить, какой элемент относится к его пространству, а какой нет. Так, например, потребители так называемого “гламурного образа жизни” могут с высокой точностью определить какие кафе, магазины, клубы, рестораны, концерты и пр. можно посещать, чтобы чувствовать себя “в своей тарелке”. Каждый формирует и несет в себе самостоятельный образ окружения, но между членами одной группы возникает некоторое принципиальное согласие.

Очаги глокализации

Гуляя по центру Еревана, мы обнаруживаем себя в непрерывном водовороте цитаций, который отсылает нас к горизонтам глобализа-

²⁶ Имеется в виду целевой обитатель того или иного района. В частности, особо показательными и “читаемыми” являются так называемые элитные районы, улицы, кварталы.

ции. Очаги концентраций этих цитаций я обозначу термином “глокализация”. Это те очаги, которые являются точкой концентрации следов (Р. Барт) глобализма – транс-государственных процессов. Я выделил следующие:

- ✓ банки, пункты обмена валют (концентрация валют разных государств);
- ✓ брендовые магазины, бутики, где представлены товары мировых брендов;
- ✓ интернет-кафе (локализация глобальной сети);
- ✓ показы мод канала Fashion в кафе, витринах магазинов;
- ✓ рестораны с кухнями разных стран мира;
- ✓ посольства, консульства, международные организации;
- ✓ объекты с названиями, коннотативность которых отсылает к глобализации.

В результате анализа интервью и ментальных карт центра города были выделены следующие отрезки четырех главных артерий центра: ул. Туманяна – от дома-музея до пересечения с ул. Абовяна; ул. Абовяна – от угла с ул. Московской до пл. Республики; просп. Саят-Новы – от пл. Франции до ул. Налбандяна; просп. Маштоца – от Матенадарана до ул. Туманяна. Именно этот квадрат и стал тем отрезком изучаемого текста, в ходе анализа которого учитывались признаки глокальности изучаемых элементов.

Сэм Фолуэл стоял на месте скрещения двух больших прямых артерий города. Он посмотрел на все четыре стороны и увидел нашу планету, вырванную из своей орбиты и превращенную с помощью рулетки и уровня в прямоугольную плоскость, нарезанную на участки. Все живое двигалось по дорогам, по колеем, по рельсам, уложенное в систему, введенное в границы. Корнем жизни был кубический корень, мерой жизни была квадратная мера. Люди вереницей проходили мимо, ужасный шум и грохот оглушили его.

В центре внимания, в частности, оказались функциональные элементы отмеченной городской среды с точки зрения их назначения. Были картографированы и классифицированы все объекты, инсталлированные на исследуемых отрезках четырех центральных улиц. Выделены следующие функциональные объекты: (1) культура/искусство/образование, (2) госучреждения/финансы/техника, (3) места общепита,

(4) рекреационная зона, (5) магазины (одежды, обуви), (6) салоны красоты/учреждения здравоохранения, (7) продуктовые магазины, (8) этнически акцентированные объекты.²⁷ В результате группировки получена следующая картина (см. Табл. № 1).

Таблица 1. Функциональные объекты в центре Еревана

Функциональные группы	Ул. Туманяна	Пр. Саят-Новы	Ул. Абовяна	Пр. Маштоца
Культура/искусство/образование	7	6	6	14
Гос. учреждения/финансы/техника	13	17	32	2
Места общепита	18	7	12	1
Рекреационная зона	15	9	12	7
Магазины	29	23	58	15
Салоны красоты, учреждения здравоохранения	6		8	1
Продуктовые магазины	5	2	2	1
Этнически акцентированные объекты	4	2	18	0

Обобщив, выделим функциональные доминанты выделенных улиц:

- **улица Туманяна:** потребительская, рекреативная;
- **проспект Саят-Новы:** потребительская;
- **проспект Маштоца:** потребительская, культурная;
- **улица Абовяна:** потребительская, этническая, технократическая.

Вместе с тем, интерес привлекает и следующий факт: на улице Туманяна из 97 отмеченных объектов 49 относятся к числу глокальных (по выделенным выше параметрам), на проспекте Саят-Новы из 66 объектов – 32 глокальных объекта, на улице Абовяна из 148 элементов – 69, а на проспекте Маштоца из 41 – 13.

В свете полученных данных можно констатировать лишь то, что идеология современного общества – идеология потребления – не только пронизывает ткань города, но и демонстрирует себя во всей красе. Ее тотальность приводит к тому, что от текста она переходит

²⁷ Объекты, которые так или иначе соотносятся с этническим кодом: заведения общепита с этнической кухней, с этническим названием, либо лавки, где продаются этнические изделия.

к пространству, тем самым, становясь самим пространством для разворачивания текста. В этом пространстве разворачиваются целые сюжеты: город, по крайней мере его центр, звучит многоголосием, местами переходящим в гармоничный ансамбль, местами – коннотативный диссонанс, своей глокальностью “отсылая” жителей города в различные точки мира.

В качестве примера коннотативного диалога и/или конфликта между элементами в контексте городской среды можно привести здание ресторана “Старый Эриван”, который, как уже отмечалось, находится на углу Северного проспекта. Последний уже был рассмотрен выше в его семантическом контексте, однако

Фото 4. Основание здания ресторана “Старый Эриван”.

здесь примечателен следующий ансамбль: “староереванский” стиль самого здания усиливается названием ресторана, однако на первом этаже здания, выступая вперед, позиционируются два заведения – “Грузинские хачапури” и фаст-фуд “Hay-Lunch” (Армянский ланч). Здесь представляет интерес как семантическое трио в целом, так и некоторые отдельные его элементы: в частности, примечательно, что понятия “фаст-фуд” и “армянский” никак не стыкуются и не имеют под собой общей платформы.²⁸ Что касается самого трио, то здесь прослеживается формирование некоего интернационального альянса, с акцентом на Закавказский регион.

Другим примером многоголосия служит Северный проспект, который являет собой довольно-таки противоречивый узел в городском пространстве: относясь теоретически (или на бумаге) к “сфере” старого Еревана, он стал воплощением противоположного “текста”. Что мы читаем, проходя по Северному проспекту? Проспект является средоточием потребительской, high-tech, а также гламурной культуры, которая в свою очередь неоднозначна: на проспекте локализованы так называемые “элитные” здания, бутики и офисы, что обозначает весь проспект как “элитную” часть города; с другой стороны, будучи одним из немногих пешеходных, освещенных мест, выделяющихся

²⁸ Армянская кухня известна своими традициями, предполагающими длительный процесс приготовления блюд и не менее длительное застолье.

в паутине города, Северный проспект стал притягательной осью для представителей различных слоев и групп населения.²⁹

Кроме того, вот уже год с лишним (начиная с марта 2008-го года³⁰) Северный проспект стал местом “политических гуляний”³¹ активных приверженцев оппозиционного движения в Армении. Все, кто в определенные часы (и не только) оказывались на Северном проспекте, отождествлялись с оппозиционерами. Сегодня Северный проспект, скорее, носит характер праздности. Народные гулянья, уличные музыканты, витрины кафе – все напоминает праздник, который всегда, каждый вечер с тобой.

Таким образом, Северный проспект стал своего рода полем боя двух политических сил, с течением времени это противостояние из физического пространства перешло в семантическое. В свете этих же событий определенный и весьма сильный смысл приобрела и площадь Свободы. Как уже было сказано в примечании, именно она стала ареной выражения “воли народа”, борьбы за справедливость, и, самое главное, за свободу!!! Площадь Свободы (бывшая Театральная) стала символическим воплощением свободы и политических кровавых постановок.³²

Пристальное прочтение городского текста приводит к заключению, что в его пространстве мы сталкиваемся с “диалогом глухих”: в то время как архитектор видит город как развивающееся целое и пытается внушить горожанам свое цельное и логически обоснованное видение, горожанам город предстает как череда хаотичных, постоянно меняющихся впечатлений, заставляющих перманентно привыкать к его непостоянству.

²⁹ Здесь любят прогуливаться и жители окраин города, и влюбленные парочки, и люди в возрасте. Примечательно, однако, то, что потребители бульварного пространства Северного проспекта в большинстве своем не являются потребителями экономического пространства проспекта (магазины, кафе, офисы, дома).

³⁰ После президентских выборов в феврале 2008 г. оппозиция организовала массовые митинги против новой власти, считая ее нелегитимной. Толпа численностью в несколько тысяч человек двигалась по центральным улицам города, однако основные события и выступления имели место на площади Свободы, которая не пустовала даже ночью (см. Фото 5, Приложение 1). Эта ситуация достигла своего пика тогда, когда власти, используя военную силу, решили разогнать митингующих, в результате чего были человеческие жертвы, а город стал походить на поле боя – разгромленные магазины, взорванные и подожженные машины, побитые стекла витрин магазинов. В течение последующих дней проводились аресты среди лидеров оппозиции. В ответ на эти события сторонники оппозиции устроили многодневную голодовку, избрав в качестве локализации Северный проспект. Таким образом, данная магистраль у истоков своего становления сразу же приобрела определенный окрас, отблески которого сохраняются по сей день.

³¹ Сами представители оппозиционного движения обозначили собрания на Северном проспекте “политическими гуляниями”. Такое определение было выходом из ситуации, когда правительство запретило организацию политических митингов. См. Фото 6, Приложение 1.

³² Следует также вспомнить, что такому “осмыслению” площадь Свободы подвергалась и прежде – в 1988 году, когда армяне митинговали за освобождение Арцаха (Карабаха) и стала стартовой точкой (в физическом плане) для освободительного движения.

Резюме

В общем и целом, аналитические прогулки вкупе с проведенным исследованием приводят к мысли, что Ереван не владеет искусством старения, тщательно освобождается от исторических морщинок, подвергая себя многочисленным, навеянными модой, хирургическим вмешательствам. Город, выражаясь словами Мишеля де Серто,³³ “практически ежечасно творит себя заново”, отбрасывая достижения прошлого и бросая вызов будущему.

Пытаясь смести все следы советского периода, Ереван сегодня становится все более хаотичным и полисемичным. Мировые бренды, фаст-фуды вокруг Театра оперы и балета, знаменитый коньячный завод, переданный во владение французам, небоскребы и стеклянные фасады – все это как бы заставляет город находиться в постоянном ускользании, бегстве от самого себя, от своей самоидентификации. В этом ракурсе наблюдаются две тенденции: с одной стороны, Ереван интегрируется в мировой процесс глобализации городов, адаптируясь под европейский стандарт; с другой, в рамках самого города создается некая вавилонская ситуация: понять, выявить язык города весьма трудно, т.к. он одновременно говорит на нескольких языках.

Именно в этой связи и привлекает внимание определенная хаотичность города, его семиотическая структура, которая неизбежно рождает в человеке, в горожанине, возможно не всегда осознанное чувство потерянности. В процессе поиска пути образ среды пребывания или обобщенная мысленная картина окружающего материального мира в сознании человека имеют ключевое значение. Этот образ одновременно и результат непосредственного ощущения, и память о прошлом опыте. Он играет принципиальную роль как в осмыслении информации, так и в руководстве действием. Необходимость распознать и мысленно обрисовать окружающую нас обстановку столь существенна и так глубоко укоренилась в нашем сознании, что такой образ обладает для индивида и практической, и эмоциональной важностью.

Сэм прислонился к острому углу каменного здания. Чужие лица мелькали мимо него тысячами, и ни одно из них не обратилось к нему. Ему казалось, что он уже умер, что он призрак и его никто не видит. И город поразил его сердце тоской одиночества.

³³ M. De Certeau. Marches dans la ville // L'invention du quotidien. Vol. 1. Arts de faire. Paris: Gallimard, 1990, chap. 7.

Приложение 1. Фотографии Еревана

Фото 1. Торговая площадь. 1914 г.

Фото 2. Ул. Астафяна, 1920 г.

Фото 3. Здание Министерства транспорта и связи.

Фото 4. Северный проспект, нацеленный на здание Национальной галереи.

Фото 5. Демонстрации на площади Свободы. Март 2008 г.

Фото 6. Демонстрации и политические гуляния на Северном проспекте. Май-июнь 2008 г.

Приложение 2. Иллюстрации

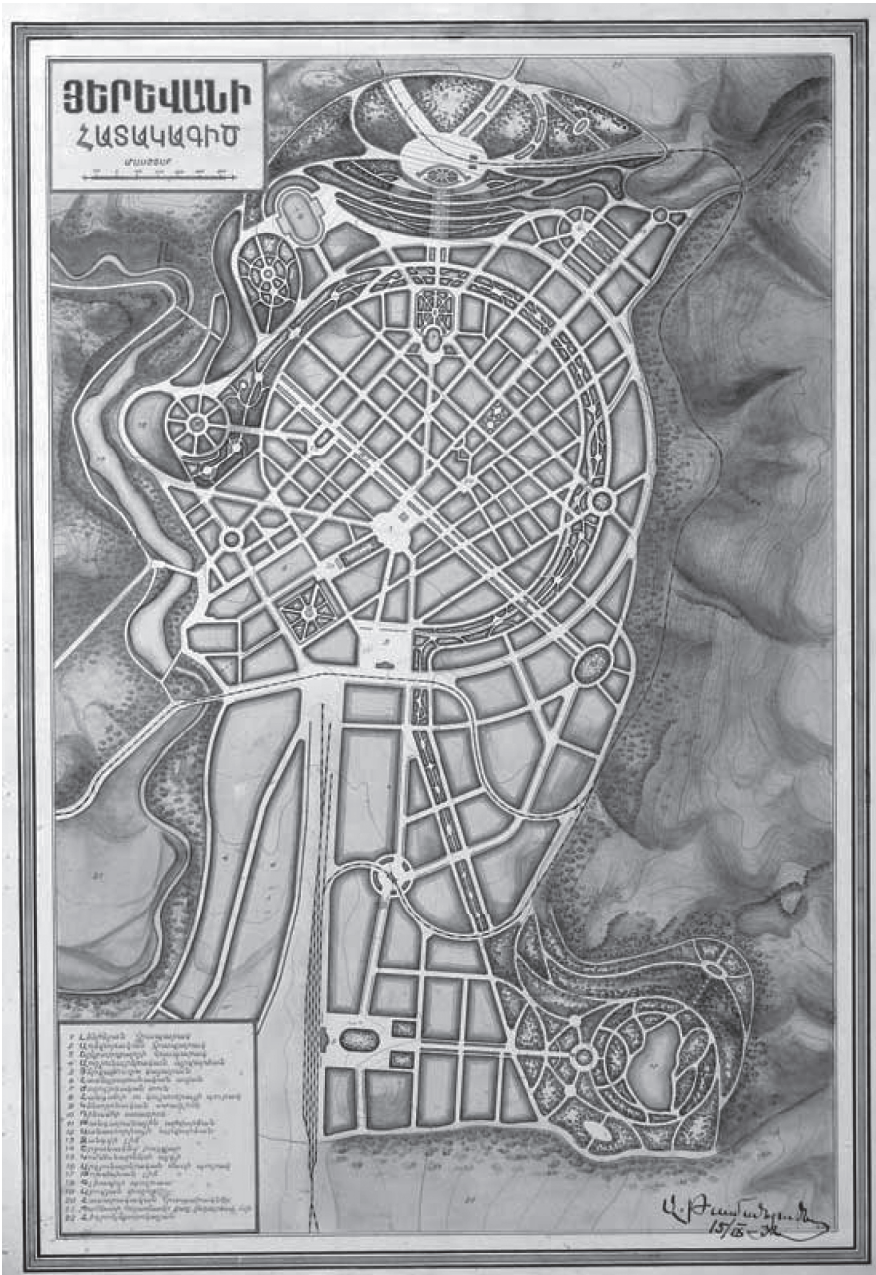

Иллюстрация 1. Генеральный план Еревана, 1932 г. Автор А. Таманян.

Приложение 3. Списки и таблицы

Таблица 1. Современные и старые наименования улиц и площадей центра Еревана

Современное наименование	Старое наименование
Улицы	
Сармен	Джрашат (Полноводье)
Корюн	Киров
Адамян	Либкнехт (Карл)
Амирян	Врамшапук
Каджазнуни	Кузнецов
Заварян	Атабекян
Ростом	Хмельницкий
Григор Лусаворич	Красная армия
Вардананц	Гнуненц
Когбац	Тер-Габриелян
Хоренаци	Маркс
Бюзанд	Свердлов
Агатангегос	26 комиссаров
Аршакуняц	Орджоникидзе
Тигран Мец	Октябрьская
Дзорап (Набережная)	Пионерская
Ремесленников	Колхозников
Кори (Кривой)	Кривои (Кривой)
Площади	
Сахаров	Азизбеков
Свободы	Театральная
Республики	Ленина

Сармен – армянский советский поэт, заслуженный деятель культуры Армянской ССР (1967). Член КПСС с 1941 года.

Корюн (годы рождения и смерти неизвестны) – армянский историк, писатель и переводчик, живший в 5 веке, ученик создателя армянского алфавита Месропа Маштоца.

Петрос Адамян (1849-1891) – армянский актёр-трагик; поэт, художник.

Арсен Амирян – армянский революционер, член Дашнакцутюн.

Оганес Каджазунни – премьер-министр Первой Республики Армении.

Симон Заварян – один из основателей партии АРФ Дашнакцутюн.

Григор Лусаворич (Просветитель) – святой Армянской Апостольской Церкви.

Ростом – один из основателей Дашнакцутюн.

Вардананк – массовое народное движение, объединившее весь армянский народ – дворянство, духовенство и крестьянство – и получившее свое название в честь своего лидера – Вардана Мамиконяна

Езник Кохбаци – один из отцов Армянской Церкви, церковный писатель и богослов V века, один из первых учеников Маштоца.

Мовсес Хоренаци – крупнейший армянский историк, автор “Истории Армении”, считается “отцом армянской истории”.

Павстос Бюзанд – армянский историк.

Агатангегос – армянский историк.

Аршакуни (армянские Аршакиды) – армянская царская династия (52-428 н.э.).

Тигран Мец (Великий) – царь Великой Армении в 95-55 гг. до н. э.

Андрей Сахаров (1921-1989) – советский физик, академик АН СССР и политический деятель, диссидент и правозащитник, один из создателей советской водородной бомбы.

Врамшанух – армянский царь (400 или с 389 – 414 гг. н. э.).

Карл Либкнехт (1871-1919) – деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии.

Сергей Киров – русский революционер, видный политик Советской России.

Карл Маркс – выдающийся немецкий философ, экономист, политический журналист.

Саак Тер-Габриэлян (1886-1937) – советский партийный, государственный и политический деятель.

Николай Кузнецов – советский разведчик, партизан.

Иванэ (Вани) Атабекян – последний правитель Джрабердского княжества, сыгравший значительную роль в водворении российского владычества в Карабахе.

Богдан Зиновий Хмельницкий – гетман Войска Запорожского, полководец и государственный деятель.

Яков Свердлов (1885-1919) – российский политический и государственный деятель, революционер, большевик.

Григорий Орджоникидзе – видный советский государственный и партийный деятель, профессиональный революционер.

Мешади Азизбеков – деятель революционного движения в Азербайджане.

Владимир Ленин – российский и советский политический и государственный деятель, революционер, создатель партии большевиков, один из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года.

Приложение 4. Глоссарий

Когнитивная карта – ментальные репрезентации (представления) человека о пространственной организации окружающей среды.

Семиотическая организация – механизм создания множественных контекстов места.

Семиотика пространства – пространственные средства смыслообразования и смысловыражения, связь формы со своим значением и содержанием в своем развитии.

Семиотический подход – целостная системная модель анализа городской культуры, дополняющая методологию урбанистики.

Символ (в контексте семиотического анализа городского пространства) – маркированный текст города, обладающий отличительными чертами: жизненно-бытовыми, культурными, природно-климатическими, ландшафтными, историческими, материально-культурными.

Текст города – универсальное множество знаковых элементов культуры города (символы, мифы и др.), объединенных смысловой целостностью, однородностью и индивидуальностью.

Топоним – собственное наименование географического объекта, природного или созданного человеком.

Урбаноним – название внутригородских объектов (от лат. urbanus – городской).

Топонимика (греч. “место” + “имя”) – раздел ономастики, изучающий географические названия (топонимы), закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Топонимия – совокупность географических названий (топонимов) какой-либо местности (страны, города).